

нем очень интересно. Это как постижение Любви.

В музыке, в песне вообще сложно найти что-то еще, кроме смерти, любви и войны.

Так же в литературе есть примерно семь основных сюжетов, а восьмой еще никто не придумал. Все, о чем мы мечтали, всегда сбывалось. Как у Булгакова. Мы никогда ничего не просили, но все давалось. Мечтали, скажем, о такой студии с камином и трубой. И она появилась.

Стали делать ремонт, и появились люди, которые нам финансово помогли. Пришел какой-то человек, выпил с нами текилы, и помог сделать ремонт. Потом пришел еще один человек и помог купить нужную аппаратуру. И мы стали студийно работать.

— **А смешные случаи были из названия?**

— Да, смешная была ситуация с «Трансаэро». Там во главе фирмы русские и американцы. И русское руководство не видело в слове «крематорий» ничего плохого. Они долго предлагали нам свою помощь. Потом посоветовались со своими американскими партнерами, и те сказали, что с таким названием очень сложно летать.

— **Да, такое название больше подходит для ГУП «Ритуал», для Германа Стерлигова. Вы его просите о поддержке.**

— Если б я знал, что все это будет длиться так долго, я б посветлее что-нибудь придумал, типа «Солнышка». Тогда у нас с «Трансаэро» все сложилось бы. И конечно, со СМИ. В советские времена слово «крематорий» действовало на многих как красная тряпка на быка. Лигачев из-за этого запрещал трансляцию наших песен. За сутки до трансляции нашего первого клипа, это было году в 1987, мне позвонили и сказали, что с таким названием песня не пойдет. Программа называлась «Музыкальный ринг». До этого была передача Родина Щедрина вместе с Плисецкой, мы там играли, и он сказал, что к року это не имеет никакого отношения.

— **Ваша последняя акустическая пластинка, к 20-летию группы выпущенная, называлась «Rok-n-ролл». Расскажите про нее.**

— В 2002 году, еще до нее, вышла пластинка «Мифология». Это надгробная плита над всем старым «Крематорием». Все те направления, которые мы использовали эти 20 лет, мы просто зафиксировали. Даже какие-то тупиковые ветви. Что касается «Rok-n-ролла», то туда вошли песни, большая часть из которых была забыта. Дело в том, что раньше было принято играть на посиделках, встречах друзей, на пьянках.

У меня был приятель, на даче которого лет 20 назад мы записали на магнитофон «Юпитер» наш концерт. И на мой день рождения он мне подарил эту запись. Вообще мои записи по разным московским домам раскиданы. И я с удивлением обнаружил на этой пленке песни, которые сегодня написать бы уже не смог.

— **Особое состояние души было?**

— Абсолютно точно. И я решил, почему бы не вернуться и не клонировать себя? Сейчас это модно. Я восстановил ту гитару, на которой играл тогда. Выкупил проигранную в карты маленькую барабанную установку. Вернул бас-гитару. Восстановил какие-то примененные тогда баночки, тазики и проч.

Очень хороший звук, кстати, дает жестяная банка из-под красной зернистой икры. И здесь мы все это восстановили, использовав старые песни. Получилось достаточно интересно. И сегодня «Rok-n-ролл» — это один из самых популярных наших альбомов.

— **1980-е годы отмечены существованием особой субкультуры**

«детей цветов», субкультуры хиппи. «Крематорий» принято тоже причислять к этому течению.

— На начальном этапе да, это было. Это был особый стиль жизни. В студенческие годы я считал себя хиппи, я специально пошел учиться в МАИ, где военная кафедра начиналась со второго курса. Специально взял академический отпуск, чтобы продлить это состояние свободы без военной кафедры. Мне нравилась эта свобода, этот хаос, эта анархия. Я общался с людьми, которые представляли эту культуру.

Я познавал и музыку, и секс в этой среде. Были странные девочки, которые считали, что неважно, кто будет отцом их детей. Со временем это стало немножко смешно.

— **Ездили автостопом...**

— Да, с рублем в кармане, и в Питер, и на юга, до Алушты. Сейчас это представить невозможно. И все, как правило, очень хорошо относились.

— **Граждане хорошо, а советская власть?**

— Если вы попадаете в аварию, то это кажется трагедией. А спустя время вспоминаете о побитии каких-то железок достаточно легко. Потому что все позади. Так что все эти дела типа явления кагэбэшника на нашем концерте, когда нас повели в опорный пункт на Садовой, расположенный в «доме Булгакова», ныне так и вспоминаются.

Разговор носил смешной характер. Нам было заявлено, что власть хочет объединить все подпольные группы под единым центром. Было сказано, что создается такая рок-лаборатория под предводительством Комитета государственной безопасности. Есть постановление товарища Гришина. И если вы будете продолжать давать всякие самостоятельные концерты, то у вас будут большие неприятности. И вам позвонят.

Мы продолжали давать концерты. А потом нам действительно позвонили и предложили выступить в рок-лаборатории. Мы выступили, получили приз. Гран-при. Вскоре государство стало понемножку разваливаться.

Мы знали, конечно, что в этой организации существуют свои стукачи. Сейчас они мелькают где-то на ТВ, стали известными критиками, а когда-то были штатными стукачами.

Собиравшими информацию о разных группах.

— **Армен, а к сегодняшнему шоу-бизнесу вы как относитесь?**

— Если б мы вошли в систему шоу-бизнеса, нас, возможно, не было бы. Мы остались независимыми. Ездим на гастроли, живем за счет концертов. Выпускаем пластинки, которые пираты довольно охотно и в большом количестве воруют.

Если б мы получали все то, что реально зарабатываем, то жили бы припеваючи. Ведь в цивилизованном мире все иначе. Знаменитый Роберт де Ниро получает больше гонораров не за счет участия в фильмах, а за счет их дальнейшего тиражирования. Об этом здесь говорить смешно. У нас тиражирование — это просто реклама, и люди получают какие-то деньги только за счет концертов.

Не нужно строить планы. Планы строит Господь Бог. Строить планы на год, на полгода вперед — это значит смешить Господа. Рассказывать ему анекдоты, над которыми он будет смеяться. Надо делать то, что делается сегодня, и пытаться жить на полную. Чтобы не было каких-то пустот. Естественно, нужно мечтать. Но мечтать нужно про себя, никому не говоря об этом. Вся моя жизнь доказывает, что все получается. Значит, карма хорошая. Хотя я во многом грешник. Видимо, есть где-то надо мной весы, которые мне помогают.

Мы путешествуем, играем, и в общем-то мне не на что пожаловаться.

Мы никогда ни под кого не ложились, ни перед кем никогда не лебезили, не толкали свое творчество за деньги. Все происходило естественным путем.

— **А какое у вас отношение к псе и к телевидению?**

— Достаточно презрительное. Можно смотреть новости на НТВ. Все остальное либо рупор, типа передовицы «Правды», либо достаточно низкопробная продукция и музыкальная, и разговорная. Есть несколько хороших программ, типа программ Татьяны Толстой или Виктора Ерофеева на «Культуре». А все остальное — это сплошное общедоступное «Поле чудес». Как раньше, так и сейчас.

Мы давно уже отошли от эжика. Кто-то там вдруг появляется, потом ее любовник или любовница уходят, и человек исчезает.

Человек населения, который может оценить наше творчество, он есть, но он у нас небольшой. Рассчитывать на массового зрителя лучше не стоит. Если вы будете рассчитывать на массового зрителя, вам нужно будет уступить. Чего делать, наверное, нельзя.

— **У вашей группы свой замечательный сайт в Интернете.**

— Да, мы очень рассчитываем на Интернет. Компьютерная культура привлекательна тем, что с ТВ общаться нельзя, а с компьютером можно. Там нет форматов, продюсеров, все вгоняющих в узкие рамки. Там пока еще есть свобода. Так что то, что мы делаем, мы выставляем там. Правда, пока еще Интернет развит у нас недостаточно.

— **Вы ведь планируете новый компакт-диск?**

— Да, и это будет вне поля русского языка. Это будут композиции на английском, испанском, китайском языках. У меня пошла такая блюзовая музыка, афро-американская. Не нужно стремиться из нашего человека сделать негра. Лучше пригласить настоящего.

— **У Скляра в группе кубинец играет...**

— Я его планирую задействовать на этом проекте. Может быть, даже петь будет. Будут и другие люди. Потому я сделаю перевод на русский. Рабочее название по строчке из любимого мной Уолта Уитмена «Привет миру».

— **В ваших картинах прослеживаются армянские мотивы. Окун-**

жава в свое время, всю жизнь живший в Москве, начал учить грузинский, поскольку в Грузии его очень радушно принимали. Вы армянский учите, корни свои обрести стремитесь?

— Я армянин московского разлива. Мой папа, тоже абсолютно московский человек, не зная армянского языка, в сорок лет начал его изучать. Причем выучил не только язык, но и буквы, прочитал классиков. Меня воспитывали бабушки, и армянский язык я знаю. Когда я приезжаю за границу, где есть армянская диаспора, мне проще общаться на армянском, чем на английском. Я не умею писать на нем, но могу говорить.

— **Армен, а милиция вас останавливает, внешность-то, поди, не славянская?**

— Нет, ни разу. Я сам пытался сдаваться, не берут. Не принимают, и все. Даже на спор пытался. Не нужно пытаться быть другим, если ты такой. И если тебя воспринимают таким, как ты есть, значит хорошо. Если кто-то считает, что человек не похож на них, и уже этим он плох, то это проблема их воспитания, сознания, культуры. Нужно ломать стереотипы.

— **Культура хиппи отходит в прошлое, что ждет группу «Крематорий» завтра?**

— Не нужно строить планы. Планы строит Господь Бог. Строить планы на год, на полгода вперед — это значит смешить Господа. Рассказывать ему анекдоты, над которыми он будет смеяться. Мы считаем, что надо делать то, что делается сегодня, и пытаться жить на полную. Чтобы не было каких-то пустот.

Естественно, нужно мечтать. Но мечтать нужно про себя, никому не говоря об этом. Вся моя жизнь доказывает, что все получается. Значит, карма хорошая. Хотя я во многом грешник. Видимо, есть где-то надо мной весы, которые мне помогают. У меня не было никогда никаких проблем.

— **Тем для музыки, для песен, для творчества еще достаточно?**

— Надеюсь, что они будут. Потому что каждый раз, когда записываешь альбом, в голове полная пустота. И кажется, что все, ты испустился, и никогда больше ничего не возникнет. Но потом что-то приходит через некоторое время. И все начинается заново.

